

Шалляпин Ф. И.

23/VI 88

Лит. газ. - 1988. - 23 июля. - с. 8

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ ФЕДОРА ШАЛЯПИНА

Богатое литературное наследство Ф. И. Шалляпина дано еще не полностью собрано и издано. Так, в трехтомнике, выпущенном под редакцией Е. А. Грошевой (издательство «Искусство», М. 1976—1979), не упоминается ни один из многих материалов, помещенных в румынской прессе 20—30-х гг. Среди них большой интерес представляет, на наш взгляд, небольшая по размеру, но емкая по содержанию статья «Исповедь певца», опубликованная в феврале 1937 года.

В свой последний приезд в том же году Ф. И. Шалляпин дал в Бухаресте большой концерт, в программу которого были включены лучшие номера репертуара. Концерт был назван «прощальным», «лебединой песней» Шалляпина.

ИСПОВЕДЬ ПЕВЦА

Казалось бы, между артистом и публикой не может быть разногласий. Разве только в том случае, когда артист не на высоте интерпретируемого искусства или публика ниже должного художественного уровня.

Вообще же великое искусство, искусство настоящее понятно всем, оно возбуждает общечеловеческие чувства и в то же время воодушевляет всех людей.

Часто в моих скитаниях обращают мое внимание на тот факт, что публика, особенно провинциальная, предпочитает

оперу и сожалеет, что я приглашаю ее лишь на концерты.

Естественно, опера — это зрелище более значительного размаха: декорации, костюмы, балет, хор и оркестр — иной раз довольно убогие и слабые — являются дополнительной привлекательной силой. И импресарио чувствует себя лучше, когда может располагать этим репертуаром, отвечающим вкусу зрителей. Более пышная реклама, крупные буквы в афишах манят сильнее. А публика, желающая получить за свои деньги как можно больше, требует от артиста, чтобы тот пел в опере. Певец же, принужденный выступать в данной обстановке, не думает подобным образом. Он совсем другого мнения. Возможно, я ошибаюсь. Мне то и дело кажется, что я ошибаюсь.

В опере я гримируюсь, приклеиваю бороду, надеваю парик, сценический костюм. Представляю тот или иной тип из жизни или из сказки. При помощи воображения условно передаю страдания, ненависть и любовь персонажа. Воплощаю чувства до мельчайших деталей. Но в течение целого вечера изображаю

лишь один-единственный характер при всем богатстве оттенков и вариаций героя: изображаю фигуру, задуманную автором и композитором оперы, — одну роль.

На концерте я не сталкиваюсь с такими ограничениями, присущими оперной среде. Там ограничения исчезают для меня и для публики; перехожу из запруженного русла реки в простор океана, куда сливаются все воды. Под флагом гаммы мой корабль пересекает все музыкальные дали и просторы.

В обычном одеянии и без театральной палитры являюсь я на концерт. Перевоплощаюсь же во всех персонажей, которых представляю, и заставляю зрителя переживать любовь, ненависть, издевки, что трепещут в каждой песне, драматической или веселой. Вот почему я не обязательно предпочитаю театр и не колеблюсь даю концерты. Правда, я здесь и там я не преследую другой цели, кроме как покориť сердца зрителей.

Должен признаться, в театре сценическая обстановка мне помогает, за исключением тех случаев, когда происходит совсем обратное.

На концерте предстаю один и неприкрытый, как святой Себастьян. Опираясь на собственное «я», пытаюсь решить трудную задачу перехода от Мефистофеля к самому задуманному романсу «Расстались мы гордо...».

Перевод с румынского
и комментарий
В. БАДИУ